

А. А. Курносов

ОБ ОДНОМ ИЗ ЭПИЗОДОВ РАЗГРОМА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ 1960–1970-Х гг.

(По материалам Центра хранения
современной документации)

Документы, ныне публикуемые, относятся к годам, которые можно было бы назвать героическим временем шестидесятников. Недавно «ушли» Хрущева. Но ущерб, причиненный системе «оттепелью», еще очень болезненно ощущается номенклатурой. Тем острее, что она – с ее точным и четким чувством опасности, инстинктом самосохранения – встречает открытое, явное сопротивление со стороны интеллигенции. Целые коллективы выступают против реставрации сталинизма и реабилитации Сталина. А именно это считает своей целью номенклатура, надеясь возвращением к прежним порядкам укрепить расшатанную XX и XXII съездами систему, ее покачнувшуюся вертикаль. Набиравшее силу свободомыслие (пусть небольшой части общества), отчуждение от священных «идеологических коров», наконец, элементарное неуважение к властям предрержащим (стоит вспомнить шквалы анекдотов), освобождение от страха, чувства полной, всесторонней зависимости от воли «верхов» – все это не могло не насторожить, не обеспокоить и, наконец, не испугать «самых равных среди равных».

Разновременно и своеобразно осваивалось свободомыслие, ощущение независимой от системы, личной самооценности в разных профессиональных слоях. В авангарде оказались люди искусства, художественная интеллигенция.

Ученые-историки вышли на авансцену позднее. Их аудитория была более узкой. Однако и они вели в своей профессиональной сфере бои не местного значения. В силу того, что посягали на осмысление «системы», ее предыстории, а следовательно – посягали на постижение ее сущности, настоящей на страхе и тайне... И подобное предпринимали не единицы, но профессиональные коллективы, вступившие в оппозицию не только по истолкованию истоков культа, но и по гораздо более широкому кругу проблем, втягивающих святая святых официального распорядка и вероучения. А ведь то, что теперь именуется «тоталитарным государством», может быть, точнее было бы определить как государство и общество теократическое, укрепившееся на очень жесткой (и жестокой – по отношению

к еретикам), четко разработанной идеологической доктрине, сверху донизу контролировавшееся кастой жрецов. Конечно, и у доктрины, и у жрецов повсюду были свои адепты, которые в охранительном рвении иногда опережали «требования момента». Однако и среди представителей номенклатурной элиты встречались более дальновидные люди, ощущавшие требования не момента, но исторического времени. Они приходили к пониманию бесперспективности закостеневшей в самовосхищении идеологической доктрины и ее партийно-государственной «надстройки». Эти люди стремились к обновлению системы, мобилизации ее внутренних ресурсов. В нашем случае, в конечном счете, – к «социализму с человеческим лицом», одаренному большей гибкостью, реактивностью, большей привлекательностью и для внешнего мира. Но и эти реформаторы либо адаптировались системой, либо выталкивались из нее.

Один из ярких эпизодов такого рода – рубеж 60–70-х годов. Он и представлен в приведенных ниже документах.

Предыстория их такова. К середине 60-х годов в коллективе Института истории АН СССР усилилась неудовлетворенность состоянием своей науки. Профессиональное начало недовольства слилось с гражданской обеспокоенностью тенденциями «инстанций» реставрировать сталинскую систему, в том числе (и прежде всего) в сфере идеологии, где она понесла наибольший урон. А история хотя и называлась наукой, но числилась именно за ведомством идеологии. Не просто поддержкой доктрины, а главной идеологической наукой после марксистско-ленинской философии и истории партии. Институт же истории считался головным академическим историческим учреждением, призванным координировать деятельность других коллективов историков, в образовательных структурах в том числе.

Коллектив института не был однородным. В него входила компактная, внутренне сплоченная группа бывших партийных функционеров. Одни из них закончили известную консерватизмом-сталинизмом Академию общественных наук при ЦК КПСС. Другие – Высшую партийную школу (очно или заочно). Третьи едва ли получили хоть какую-нибудь профессиональную историческую подготовку и в Институте истории оказались благодаря своему «опыту партийно-воспитательной работы». Стерильные в науке, эти люди полагали себя полномочными представителями идейности и партийности, наставниками и надзирателями за чистотой и безупречностью мыслей других. К этой категории относились и не работавшие в институте так называемые партприкрепленные, обычно отставные офицеры. Они прикреплялись райкомом на учет в институтскую парторганизацию для усиления партийного влияния на коллектив.

Значительную часть сотрудников института составляли увлеченные исследовательской работой профессионалы, не слишком активные в общественной жизни. Многие из них сочувственно относились к динамичным «обновленческим» тенденциям, дававшим о себе знать и в институте.

Наконец, третья группа сплотилась вокруг исследователей, занимавшихся (в большинстве своем) проблемами новой и новейшей истории – отечественной и всеобщей. Так вышло не случайно: именно специалисты в этих отраслях острее чувствовали жесткую, сковывающую творчество нормативность «классового подхода», «незыблемых истин» – всего того, что понималось под «принципом партийности». Естественно, в этот круг входили и те, кто был заинтересован общими, теоретическими, методологическими проблемами исторической науки и не был закован догмами – четвертой главой «Краткого курса истории ВКП(б)».

Вот эта часть коллектива на какое-то время определила институтский климат и вступила в конфронтацию с «директивными инстанциями». А непосредственной причиной оппозиционности было то, о чем упоминалось раньше: стремление продолжить работу XX, XXII съездов на профессиональной почве, понимание абсолютной недостаточности объяснения мрачных сторон истории страны сатанизмом Сталина. Желание пробиться к предпосылкам и обстоятельствам, сделавшим возможным утверждение его самовластия, а затем и к истинным, а не доктринальным причинам революции, неудовлетворенность примитивно-истматовскими, «навсегда верными» решениями – эти и многие иные проблемы живо обсуждались и на заседаниях – институтских и секторских, да и просто в коридорах.

В такой атмосфере в 1964 году был избран партком института, в котором решительное большинство получили сторонники динамичного, а не «консервирующего», попятного развития науки. Привыкшие же к восседанию в парторганах функционеры оказались оттесненными. Секретарем парткома стал лидер очень серьезной научной школы, исследовавшей историю советского крестьянства, В. П. Данилов, его ближайшим сподвижником – виднейший специалист по истории предреволюционной России К. Н. Тарновский. Среди членов парткома – видные ученые: С. И. Якубовская, Я. С. Драбкин, Л. Ю. Слезкин, П. В. Волобуев, М. С. Альтерович, А. М. Некрич и другие раскованно думавшие историки. «Партком ученых» меньше всего интересовался обычным для того времени набором вопросов (бытовые персональные дела, «об улучшении, повышении, совершенствовании» всего на свете). Но даже в «табельные» повестки дня он стремился внести хоть что-то нетрафаретное, придавая заезженным темам новое звучание. Так, критичный взгляд на сложившуюся в науке ситуацию в сочетании со смелыми предложениями перспектив развития включал доклад парткома на институтском партсобрании «О состоянии исторической науки» в феврале 1966 года. Особенным было то, что служение исторической науке обществу понималось именно как исполнение учеными своего профессионального долга – добывания знаний о прошлом. А условия для этого – устранение вненаучных (идеолого-центристских) влияний и требований. При этом общественные интересы не противопоставлялись интересам партии и государства.

Иллюзорность неофитов стала очевидной позднее, когда во весь голос зазвучало: «Партии нужна правда!» На деле ей нужна была только потребная и удобная ей правда. И полезная ей неправда.

Жизнь института меньше всего была похожа на идиллию. На партийных собраниях, заседаниях ученого совета, секторских и иных заседаниях обычными стали острые столкновения мнений, позиций. Нередко со стороны «консерваторов – реставраторов сталинизма» они переводились (за неимением лучших аргументов) с научной почвы на политико-идеологические обвинения. Если бы дискуссии велись по гамбургскому счету... Но эти люди, чувствуя свою несостоятельность в открытых столкновениях, широко использовали связи с «инстанциями» и находили там сочувствие, понимание и поддержку. Непосредственной причиной прямого подавления институтской оппозиции послужило дело А. М. Некрича и объявление его книги «1941 год. 22 июня» (М., 1965) «порочной». Кончилось все не только этим, но и разделением («реорганизацией») института на два – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории.

Пытаясь хотя бы схематично очертить развитие коллизии в Институте истории, я намеренно не обращался к давно прочитанной книге Александра Моисеевича Некрича и старался исходить из собственного видения того противостояния. В чем-то главном мое собственное видение происшедшего утвердилось еще тогда, в 60-е. Но в последующие десятилетия корректировалось, получило большую определенность. Сопоставив теперь написанное выше с книгой Некрича «Отрешись от страха» (Лондон, 1979), я с удовольствием убедился в отсутствии принципиальных расхождений. Единственное, пожалуй, где не могу в полной мере разделить подход Некрича, состоит в следующем: А. М. исходит из противопоставления «конформистов» и «прогрессистов». Такое разделение мне кажется несколько упрощенным. Да и сам автор в характеристиках конкретных ситуаций и людей (нередко – очень выразительных) выходит за рамки подобного противопоставления. Думаю, понятия «конформизм» и «прогрессивность» нужно дополнить еще двумя: «профессионализм» и «интеллигентность» (соответственно – «непрофессиональность» и «неинтеллигентность»). А может, и третьим: «бюрократизм»... Введение дополнительных признаков расширило бы спектр красок, полутонов, придало бы картине большую объемность, близость к «оригиналу».

Корреляция между указанными определителями неоднозначна. Бюрократы-партократы, как правило, не отличались профессионализмом в науке и интеллигентностью и, естественно, не могли оказаться среди сторонников научного прогресса (исключения единичны). Но интеллигентность и профессионализм нередко сочетались с конформизмом. И подоплекой такому, вроде бы противоестественному соединению часто оказывалось стремление сохранить для себя возможность работы в любимой и единственной сфере. А вот динамизм и чувство нового – в тех условиях – опирались обычно на органическое сочетание интеллигентности, преданности исторической

науке и неприятия бюрократических нравов, правил, системы ценностей. Хотя подчас ситуация вынуждала считаться с последними, а то и сжав зубы подчинять им себя.

Именно в таком положении оказался наш партком на заключительной стадии «дела Некрича». Мы избежали тогда стандартного «одобрямс» в отношении решения Комитета партийного контроля при ЦК об исключении Александра Моисеевича из партии. Но на открытый протест решились только три члена парткома – М.С. Альперович, Л. Ю. Слезкин и С. И. Якубовская. Большинство приняло это решение «к сведению» из-за боязни за судьбу институтского коллектива. Чувствовали при этом, что предаем коллегу и единомышленника.

Не могу не привести слова из «Воспоминаний историка», свидетельствующие о благородстве их автора. А. М. Некрич пишет: «Я считаю также, что деятельность партийного комитета Института истории в 1964–1966 годах объективно способствовала предотвращению широкого наступления неосталинистов в исторической науке и в какой-то мере привела к потере темпа этого наступления в сфере общественных наук вообще. Думаю также, что я сделал кое-что, чтобы помочь некоторым людям освободиться от идеологического влияния конформизма». Возразить нечего.

Первая группа публикуемых ниже документов характеризует один из только что названных эпизодов – попытку загасить опасный очаг еретической мысли... Примечательны два обстоятельства: донос адресован на имя председателя грозного Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвида Яновича Пельше (с ним был ознакомлен и Петр Демичев – секретарь ЦК, курировавший идеологию). Иначе говоря, авторы письма стремились вызвать жесткое репрессивное вмешательство в ситуацию, сложившуюся в только что отделенном Институте всеобщей истории. Второе обстоятельство заключалось в том, что подобное вмешательство было расценено «верхами» как преждевременное – в известной мере оттого, что компрометировало недавнее решение по разделу Института истории. Поэтому был принят «мягкий» вариант: обсудить и осудить сборник «Историческая наука и некоторые проблемы современности», что и было исполнено Отделением истории Академии наук СССР.

Интересно еще одно: письмо содержит как бы экстракт катехизиса «истинного» толкования марксизма-ленинизма в истории и перечень смертных грехов в случае каких-либо еретических отступлений. Таков же дух и пространной личной рецензии В. Кульбакина на сборник «Историческая наука...».

Что же до характеристики атмосферы в Институте всеобщей истории, то могу лишь подтвердить правильность оценок авторов доноса. По крайней мере на первых порах вольномыслие давало о себе знать. Правда, руководство Института всеобщей истории (его директор – академик Е. М. Жуков, он же – академик-секретарь Отделения истории Академии наук СССР) стремилось ограничить, смягчить такие «проявления» и постепенно поставить их под контроль.

Это осуществлялось, в частности, путем структурных преобразований. Так, сектор методологии истории был превращен в сектор «общих проблем». Возглавил его сам директор института. Но ядро участников сектора сохранилось, а его реальным руководителем оставался М.Я. Гефтер. Продолжалось и его влияние в коллективе нового института. Но были блокированы возможности выхода в свет публикаций, ограничивались заседания с участием специалистов извне. Однако рукописи не горят. А тем более не исчезают без следа накопления мысли. Понятое и познанное не забывается... После «закрытия» сектора в пору победившего маразма наметившийся в рамках тоталитарной системы распад претерпел переход из формы «очаговой» в «рассеянную». Идеи продолжали жить и развиваться в мыслях и трудах многих историков. Со временем то, что казалось некогда очень смелым и новым, превращалось в нечто само собой разумеющееся и очевидное. Поэтому о «поражении» сектора, как и о его «разгроме», следует говорить с долей осторожности.

Вторая группа из прилагаемых ниже документов непосредственно связана с первой. Однако она отражает уже коллизию «в верхах», в пределах номенклатурной элиты. Последнюю тоже неверно представлять неким монолитом. В ней были разные люди и действовали неоднородные силы. Большинство стремилось сохранить и упрочить собственное положение и влияние своего сословия, по возможности восстановив порядок до XX съезда партии, хотя, может быть, без чрезмерных «крайностей». Представителем этой, обладавшей на два десятка лет когорты и стал автор одного из приводимых ниже документов – заведующий Отделом науки ЦК КПСС Сергей Павлович Трапезников. Другой документ составлен членом ЦК КПСС, вице-президентом АН СССР, директором Института конкретных социологических исследований Алексеем Матвеевичем Румянцевым. Он тоже стремился к укреплению социалистического строя, обеспечению будущего партии. Но видел перспективу не в реставрации старого, а в модернизации общества и мобилизации его потенциалов и, значит, в поощрении теоретических изысканий обществоведов, в частности и историков. Отсюда его резкий выпад против Отдела науки и его заведующего. Содержание всех документов, приведенных в данной публикации, настолько явственно, что в развернутых дополнительных комментариях, на мой взгляд, едва ли нуждается. Тексты говорят о себе сами.

[Ф. 5, оп. 62, д. 69
лл. 77–86]

**Письмо в ЦК КПСС сотрудников
Института всеобщей истории Академии наук СССР**

**Члену Политбюро КПСС, Председателю Комитета
партийного контроля при ЦК КПСС товарищу А. Я. Пельше**

Тов. Трапезникову С. П.
/лично/

ЦК КПСС
25 июня 1970 (ШТАМП)

Прошу ознакомиться
и переговорить.

Подлежит возврату в Общий
отдел ЦК КПСС

П. Демичев
25 июня 1970 г.

20857 Контроль
320 А/2

Уважаемый Арвид Янович! Мы, коммунисты, научные работники Института всеобщей истории АН СССР, подписавшие настоящее письмо, считаем своим партийным долгом рассказать о положении в нашем Институте, которое вызывает у нас серьезное беспокойство.

С некоторых пор в Институте истории, задолго до его разделения на два института, сложилась определенная группа сотрудников (Некрич, Гефтер, Драбкин, Якубовская, Данилов и др.), отстаивающих сомнительные взгляды по важным вопросам марксистско-ленинской теории. Эти взгляды они настойчиво пропагандировали и пропагандируют устно и в печати, получая широкие возможности для публикации своих работ, в частности в издательстве «Наука».

Разделение Института истории на два института не привело к улучшению обстановки в нашем научном учреждении. Все, что ныне происходит в Институте всеобщей истории, является продолжением и развитием событий, имевших место в бывшем Институте истории накануне его разделения на два института.

Указанная выше группа лиц в течение 1965–1966 гг. вела целеустремленную и настойчивую деятельность, направленную на захват фактического руководства институтом. По нашему глубокому убеждению, как это явствует из документов бывшего парткома Института истории, протоколов партийных собраний и ряда выступлений перечисленных лиц и их сторонников, группа преследовала цель: превратить Институт истории в некий центр, стимулирующий и ориентирующий определенные научные круги на борьбу за «либерализацию науки», «свободу научного поиска» и т. д., т. е. на отказ от партийности в науке. Партком Института, как это следует, в частности, из его «Доклада», – документа, рассчитанного на широкое распространение в научных кругах Москвы, – добивался для Института статуса автономного самоуправляющегося учреждения, с выборным руководством, начиная с директора института. Такая «академическая автономия» должна была, как вытекало из всей позиции этой группы, поставить Институт истории вне контроля и руководства со стороны центральных руководящих организаций, в том числе ЦК КПСС. На общих партийных собраниях представители группы требовали ликвидации Главлита, который был охарактеризован ими как фактор, сдерживающий развитие науки. Эти же люди под предлогом критики культа личности Сталина в своих печатных и устных

выступлениях пытались ревизовать историю КПСС, предпринимали попытки реабилитации троцкистов, Бухарина (Дунаевский, Гурвич – дочь Бухарина), чернили политику партии в области коллективизации (В. Данилов), индустриализации, обороны страны, особенно накануне войны 1941–1945 гг. Вся эта система взглядов носила, по сути дела, ревизионистский характер. Парторганизация Института истории оказалась неспособной дать партийную оценку взглядам, деятельности этой группы.

Ряд фактов дают основания думать, что деятельность группы вышла за пределы Института истории. Об этом свидетельствует, прежде всего, тот факт, что стенограмма обсуждения клеветнической книжки Некрича «1941 год. 22 июня», имевшего место в Институте марксизма-ленинизма, в рукописном виде распространялась в различных научных учреждениях Москвы и была переправлена за рубеж. Не менее многозначительно и то, что Некрич накануне его исключения из партии был в Польше, после чего его книжка была перепечатана в Чехословакии и Польше большим тиражом. В свою очередь, из Чехословакии, в период подъема активности ревизионистских элементов в этой стране, поступил запрос в Институт истории АН СССР о командировании Некрича в Чехословакию для чтения лекций и докладов. Летом 1968 г. Институт истории Чехословацкой Академии наук пытался найти поддержку своей ревизионистской позиции в Институте истории АН СССР. Вскоре после этого клеветническое сочинение Некрича было поднято на щит в пресловутом «Трактате» академика Сахарова. Таковы лишь некоторые факты, свидетельствующие о том, что определенная группа лиц в Институте истории преследовала свои далеко идущие цели, и вместе с тем ее деятельность не представляла собой изолированного явления. В этой связи нельзя признать случайным и тот факт, что о существовании в Институте истории АН СССР группы лиц, выступающих с указанными выше взглядами, стало известно за рубежом (публиковались соответствующие материалы в зарубежной, в том числе буржуазной, прессе). Разделение Института истории на 2 института, как уже отмечалось, не внесло никаких существенных изменений в общее положение. Более того, оно не только не поколебало позиции ревизионистских элементов, но, наоборот, еще более укрепило их. Правда, в партийное бюро Института всеобщей истории члены бывшего парткома Института истории Драбкин, Альперович, Слезкин не были избраны. Зато их место заняли другие сторонники Некрича, в частности Севастьянов, Мальков, Белоусова, Наджафаров, Курносов и др. Эти люди с самого начала формирования Института и его руководства стали определять позицию партийного органа Института. Укрепились позиции сторонников этой группы и по другой линии. Теперь они получили прямую возможность влиять на состояние дел в Институте, в том числе на деятельность дирекции. Ученым секретарем Института всеобщей истории стала Белоусова, ярая сторонница Некрича. Значительная часть других его единомышленников оказалась в составе

Ученого совета Института и руководителями секторов и групп (Ми-зиано, Ерофеев, Драбкин, Кан и др.). Идейное руководящее ядро сосредоточилось вокруг Гефтера и Драбкина в бывшем секторе методологии истории, занявшем ведущее положение в Отделе общих и комплексных проблем.

Новое партбюро взяло курс на ликвидацию испытанного принципа руководства в нашей партии – сочетания старых и молодых кадров. Был провозглашен лозунг «омоложения Института». Начались увольнения под разными предлогами. Однако среди уволенных не оказалось ни Некрича, ни его ближайших единомышленников, зато в их число попали коммунисты Н.И. Саморуков, П.В. Жогов и другие члены КПСС с большим партийным стажем и опытом партийной и научной работы, но выступавшие в бывшем Институте истории против группы Некрича-Драбкина-Гефтера.

В июне 1970 года последовало новое увольнение группы научных сотрудников, которое оказалось, по существу, организованной расправой над теми, кто так или иначе выступает с критикой указанной выше группы лиц, занимающей по ряду принципиальных вопросов особые, а по сути дела ревизионистские позиции. Эта расправа под предлогом сокращения штатов была организована такими людьми, как Мальков, Белоусова и другими сторонниками Некрича-Гефтера-Драбкина. В итоге «сокращения» представлены на увольнение и (часть уже уволена) такие научные сотрудники, как доктор исторических наук Захарова, кандидаты исторических наук Бухаров и Лавров, и исключены из первоначального списка на увольнение имена Давидовича, Невлера, Далина и Полтавского. Избавляясь от честных работников и коммунистов, Мальков и другие категорически воспротивились тому, чтобы включить в список на увольнение Некрича и Гефтера.

Укрепив свои организационные позиции в Институте истории, затем в Институте всеобщей истории, группа Гефтера-Драбкина-Некрича продолжала беспрепятственно публиковать свои сочинения под грифом Института всеобщей истории, а также в научных, литературных журналах («Новый мир») и на страницах Советской исторической энциклопедии.

В различных изданиях был опубликован ряд работ, в которых подвергаются ревизии важнейшие положения марксистско-ленинской теории. К их числу принадлежат, в частности, статьи таких единомышленников Некрича, как М. Гефтер, Я. Драбкин, отвечающих за идейное направление сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности» («Наука», 1969). В полном согласии с ними в этом же сборнике выступили сотрудники академических институтов: истории СССР, социологии, международного рабочего движения (П. Волобуев, А. Галкин, А. Грунт, И. Кремер). Ниже дается более подробный разбор ряда этих статей. К числу таких же изданий относится сборник «Европа в новое и новейшее время» (1966), выпущенный все тем же издательством «Наука».

В сборнике опубликованы статьи ревизионистского характера, принадлежащие перу сотрудников Института всеобщей истории В. Дунаевского и С. Гурвич. Сборник подвергся резкой и справедливой критике в журнале «Новая и новейшая история». Список работ, содержащих грубейшие отклонения от марксистско-ленинской теории, был бы неполон, если бы мы обошли вниманием сборники издательства «Наука»: «Средние века» (1967, вып. 30) и «Проблемы истории докапиталистических обществ» (1968, книга первая), подготовленные Институтом истории. Ведущие статьи, содержащие серьезные политические ошибки, принадлежат Е. Штаерман, Ю. Бессмертному и Л. Даниловой. Вместе с ними подвергся критике один из активных пропагандистов так называемого «структурного метода», сотрудник Института М. Барг (сб-к «Проблемы всеобщей истории», Казань, 1967, вып. первый). Все названные работы упомянутых авторов подвергались резкой и справедливой критике в печатных органах ЦК КПСС и Академии наук СССР («Советская Россия», 1969, 28 февраля, журнал «Коммунист», 1969, № 5 и журнал «Новая и новейшая история», 1967, № 6). Как показывает анализ этих работ, попытка пересмотра некоторых положений марксизма-ленинизма предпринимается по двум линиям. Во-первых, по линии предложенного ими так называемого «нового прочтения» ленинской исторической концепции в свете «новых процессов», во-вторых, в рекламировании «метода структурного анализа» в качестве универсального метода исследования в исторической науке, должествующего, по замыслам его сторонников, заменить собой марксистский диалектический метод. Внешнее различие этих приемов не должно вводить в заблуждение. В обоих случаях атак подвергаются одни и те же принципиальные положения марксизма-ленинизма, прежде всего ленинская теория социалистической революции.

Критический разбор попыток превращения метода структурного анализа в универсальный метод теоретического исследования был дан в статье А. Данилова – «К вопросу о методологии исторической науки» (журнал «Коммунист», 1969, № 5). В этой статье вскрывается опасное направление среди историков Института всеобщей истории, ведущее к отказу от понятия «общественно-экономическая формация», этой фундаментальной категории материалистического понимания истории – что неминуемо ведет к утрате исторической наукой прочной научной базы, к хаосу и произволу в учении об обществе и закономерностях его развития» (с. 81). В результате обстоятельного изучения опубликованных сотрудниками Института всеобщей истории материалов автор статьи в журнале «Коммунист» приходит к главному выводу о том, что «...есть немало свидетельств наметившейся тенденции среди некоторых наших историков, ведущих методологические поиски на основе структурализма, к недвусмысленному отходу от материалистического понимания истории» (с. 81).

Этот вывод в полной мере применим и к тем историкам, которые заняты «новым прочтением» трудов основоположников марксизма-

ленинизма. Наибольшее выражение попытки «новых» толкований обнаруживаются в уже упоминаемом сборнике «Историческая наука и некоторые проблемы современности», подготовленном бывшим сектором методологии Института истории, выпущенном под руководством М. Я. Гефтера («Наука», 1969). Критический разбор сборника дан в газете «Советская Россия» от 28 февраля 1970 года. Однако данный сборник заслуживает дополнительного анализа, поскольку в нем в завуалированном виде изложено кредо тех, кто ставит своей целью заниматься «новым прочтением исторической концепции Маркса. Энгельса, Ленина» (цитируемый сборник, с. 6).

Без какого-либо научного, морального и политического основания авторы и составители сборника присваивают себе претенциозную роль «сигнализаторов» якобы существующего неблагополучия в советской исторической науке. Они бьют тревогу по поводу имеющейся, по их словам, «бреши» «между формулами общих законов» (иначе говоря – принципиальными положениями марксистско-ленинской теории общественного развития), «повторяемыми и варьируемыми в учебниках и популярных изданиях по историческому материализму», и развитием современности (с. 7).

То, что такие взгляды и заявления пахнут ревизионизмом, видно из того, что, говоря о задачах развития методологии исторической науки, они «забывают» сказать о таком коренном условии ее развития, как партийность исторического исследования. Далеко не случайно, что в сборнике ни слова не говорится о борьбе против буржуазных и ревизионистских фальсификаторов в исторической науке, в ее методологии. Фактически опровергая принцип партийности, они говорят о «заинтересованности» историка в добывании истины, о его служении прогрессу и т. д. Другими словами, выдвигают положение, под которым подпишется любой буржуазный ученый. Так же как и в статьях упомянутых выше медиевистов, в докладе Драбкина, опубликованном в сборнике, и в выступлениях по этому докладу Мизиано, Майданека. Гефтера, А. Галкина – предпринимаются попытки поставить под сомнение марксистско-ленинское учение о закономерности смены общественно-экономических формаций, приносится всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции. Под разными предлогами акцентируется лишь национально-особенное в опыте пролетарской революции в России. В этом же сборнике открыто подвергаются ревизии важнейшие положения теории социалистической революции о сломе буржуазного государства. Так, например, Драбкин заявляет, что «современное буржуазное государство не так-то просто "пустить на слом", следует каждый раз тщательно взвесить, что действительно нужно в нем "ломать"» (с. 225), почему нужно очень осторожно относиться к тезису о сломе буржуазного государства. Драбкин, в числе прочего, заявляет об опасности потерять «союзников» пролетариата, имеющих в государственном аппарате.

Грубые искажения допускаются авторами сборника в трактовке вопроса о вооруженной борьбе пролетариата за политическую

власть. По их словам, рабочий класс развитых капиталистических стран – это уже «не нищий пролетариат, которому нечего терять, кроме своих цепей» (с. 244). Именно потому, что ему есть что теперь терять, рассуждают они, рабочий класс не пойдет на вооруженную борьбу. При этом недвусмысленно смазывается реакционная роль современного буржуазного государства.

В конечном счете, в выступлениях «искателей истины» содержится перепев известной ревизионистской концепции о переходе к социализму путем «реформирования» буржуазного общества.

Мы ограничиваемся здесь приведением лишь некоторых извращений в сборнике основных положений марксизма-ленинизма. Более полный критический анализ этого сборника мы могли бы представить при необходимости дополнительно.

Казалось бы, появление книг и статей с такими концепциями, тем более критика таких работ в центральной партийной прессе должны были бы насторожить общественность Института. Во всяком случае, партийная организация должна была бы определить свое отношение к партийной критике работ сотрудников нашего Института, содержащих методологические искажения марксистско-ленинской теории. На самом деле ничего подобного в Институте всеобщей истории не наблюдается. Партийное бюро оказалось в стороне от этой первейшей своей задачи.

Более того, на открытом собрании партийной организации Института в марте с. г. сторонники Гефтера-Драбкина всячески пытались очернить рецензию на сборник в газете «Советская Россия» и потребовали опубликования ответной статьи в защиту этого сборника. С трибуны собрания прозвучал демагогический призыв принять закон о «неприкосновенности граждан», высказывающих любые взгляды по политическим вопросам. Далее они обрушились на дирекцию Института за то, что она приняла решение ввиду серьезных идеологических ошибок рассыпать набор другого порочного сборника – «Ленин и проблемы классов и классовой борьбы», также подготовленного под редакцией Гефтера. В итоге, по предложению секретаря партийного бюро Г.Н. Севостьянова, собранием большинством голосов отвергнуто предложение, обязывающее партбюро Института подготовить и провести партийное собрание с вопросом «О повышении ответственности коммунистов за идейный уровень научных трудов».

На другом собрании Института, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в воспоминаниях старого большевика Н. И. Саморукова прозвучала критика в адрес тех сотрудников, которые под видом научного поиска пытаются так или иначе подвергнуть сомнению важнейшие положения учения Маркса-Ленина. Председатель собрания Г.Н. Севостьянов с порога отмел эти критические замечания.

Со времени опубликования рецензии на сборник «Историческая наука и некоторые проблемы современности» в газете «Советская Россия» прошло 4 месяца, а партбюро никаких мер до сих пор не

приняло. Создается впечатление, что кто-то не заинтересован в решительных действиях, которые только и могут положить конец попыткам протаскивать в печать идейно вредные работы. Кто-то старается оттянуть обсуждение столь острого партийного вопроса, выиграть время, а потом за его давностью и вообще снять с повестки дня.

Вместе с тем для нас несомненным является и тот факт, что лишь безнаказанность действий Гефтера и Драбкина служит главной причиной того, что партийная организация нашего Института вновь оказалась перед трудностями, связанными с усилением ревизионистских тенденций.

Наша партия всегда бдительно следила за всеми попытками своих противников очернить идеи Маркса. Энгельса, Ленина и давала решительный отпор тем, кто стремился ревизовать и поставить под сомнение основы их учения. Партия призывала коммунистов не оставаться в стороне от борьбы, когда этого требует обстановка и момент. Именно поэтому мы сочли своим партийным долгом определить свое отношение к тем людям, которые проявляют не только идейную незрелость и шатания, но и сомнительные политические убеждения.

Это отнюдь не просто заблуждающиеся в политике люди. Их нельзя рассматривать случайными «жертвами» буржуазной пропаганды. Они полностью отдают себе отчет в том, что делают, решаясь на описанные выше научные поиски и выступления в печати. «Идеологическая борьба, – предупреждала партийная печать, – требует вовремя замечать и правильно оценивать случаи проникновения в нашу среду чуждых воззрений и нравов, идейных шатаний... выявлять и устранять породившие их причины, помогать тем, кто заблуждается, и давать отпор вольным или невольным проводникам буржуазного влияния» («Правда». 21/XI–1968).

Люди, подобные Гефтеру, Драбкину, Дунаевскому и другим, злоупотребили той свободой, которая действительно существует в нашей научной работе. Они навязывают дискуссии, но по каким вопросам? Они вторгаются в самые коренные положения марксизма-ленинизма, являющиеся стержнем научного социализма, испытанные временем и практикой революционного действия. Нельзя спорить по вопросам марксизма-ленинизма, которые давно решены историей. Не дискутировать с такими людьми, а решительно и бескомпромиссно пресекать малейшие попытки дискредитировать марксизм-ленинизм – такой нам представляется задача партийной организации, в рядах которой обнаруживаются подобного рода явления.

Отдельные коммунисты нашего Института не скрывали своего отношения к ревизионистским тенденциям и выступали с критикой их носителей. Это привело, однако, к тому, что эти коммунисты были поставлены в Институте в особые условия, рассчитанные на то, чтобы изолировать их и попытаться дискредитировать в научном отношении. Искусственно создавалась обстановка их «научной непродуктивности», предпринимались попытки очернения их как научных работников. В ряде случаев не останавливались даже перед

организацией фальсифицированных отзывов на их работы, перед попыткой срыва защиты диссертации, фабрикацией анонимок и т. п. Мы не можем считать нормальными порядки, когда в парторганизации такого института члены партии, выступающие в защиту партийных принципов в научных исследованиях, должны делать это на свой страх и риск, не рассчитывая получить поддержку и помощь своей парторганизации, а те, кого они критикуют, могут сводить с ними счеты, безнаказанно переходить в атаки под флагом защиты «свободы мнений», «свободы критики» и т. д. Таким образом, объективно складывается некое «мирное сосуществование» с ревизионистскими тенденциями. Им не только не дается отпор, но делается вид, что ничего особенного не происходит, тогда как на самом деле ревизионистский скептицизм, очернение политики партии и государства, нигилистическое отношение ко всем мероприятиям, решениям и партийным документам, призывающим к борьбе с ревизионизмом на оба фронта, прочно утвердилось в рядах партийной организации такого крупного идеологического учреждения, как Институт всеобщей истории.

Последним вопросом, на который мы хотели бы обратить Ваше внимание, является вопрос о фактической роли и поведении некоторых ответственных работников издательства «Наука».

Серьезным предупреждением для его бывшего директора А. М. Самсонова явился выговор, вынесенный ему КПК при ЦК КПСС за выпуск книжки Некрича. Однако и после этого Самсонов не сделал ни для себя, ни для издательства необходимые выводы, в результате чего продолжали выходить политически вредные книжки и сборники. Вряд ли есть еще издательство, которое допустило бы такие идеологические срывы, как издательство «Наука».

Даже при том условии, что Самсонов теперь отстранен от руководства издательством, новому директору будет нелегко обеспечить правильную политическую линию до тех пор, пока одним из его помощников будет зам. главного редактора по социально-экономическим наукам Б. Зуев. Это он несет ответственность за выход книжки Некрича и указанных в письме других идеологически ошибочных изданий. Отдавая предпочтение выпуску подобной литературы, Зуев всячески препятствует выходу в свет плановых рукописей других сотрудников Института, в том числе особенно тех, кто выступал против группы Некрича, Гефтера и Драбкина.

Но дело не только в одном Зуеве. Трудности в данном издательстве возникли вследствие атмосферы беспринципности, отсутствия твердого руководства и неправильного воспитания молодых кадров. Вот почему давно назрела необходимость тщательного изучения положения в издательстве авторитетной комиссией, состоящей из опытных и принципиальных партийных и научных работников. Положение в издательстве «Наука» требует принятия серьезных мер, направленных на коренное улучшение руководства редакционно-издательской работой.

Подписи: *доктор исторических наук С. Висков*
кандидат исторических наук П. Жогов
доктор исторических наук В. Кульбакин
доктор исторических наук Б. Михайлов
кандидат исторических наук Н. Салехов
генерал-майор А. Щербаков

**Ответ Трапезникова
на письмо сотрудников Института**

[Там же, л. 106]

ЦК КПСС
Справка за № 20857

В своем письме на имя т. Пельше А. Я. коммунисты тт. Висков, Жогов, Кульбакин, Михайлов, Салехов, Щербаков сообщают о неблагоприятности, имевшем место в бывшем Институте истории АН СССР и продолжающемся в Институте всеобщей истории АН СССР.

По вопросу о положении в бывшем Институте истории АН СССР Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС в свое время докладывал ЦК КПСС. В целях дальнейшего развития исторической науки, повышения качества научной продукции, а также усиления идейно-воспитательной работы среди научных сотрудников Института истории АН СССР в соответствии с постановлением ЦК КПСС во второй половине 1968 года был реорганизован в два института – Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР.

Действительно, в деятельности Института всеобщей истории в первое время имелись серьезные недостатки. Дирекция и партбюро Института допустили ошибки в расстановке кадров. Необоснованно была рекомендована к выпуску в свет книга «Историческая наука и некоторые проблемы современности», подготовленная в бывшем Институте истории. На заседаниях партбюро и партийных собраниях имели место неправильные выступления.

В целом в Институте всеобщей истории идет процесс оздоровления обстановки. Нельзя признать правильным утверждение авторов письма, что разделение Института истории «не только не поколебало позиций ревизионистских элементов, но, наоборот, еще больше укрепило их». М. Гефтер, Я. Драбкин и некоторые другие не пользуются той поддержкой в коллективе, которую они имели раньше. На отчетно-выборном собрании, проходившем в ноябре с. г., избрано партбюро в новом составе. Дирекция и партбюро принимают меры по улучшению работы Института, повышению качества научной продукции. Бюро отделения истории АН СССР, подвергнув критическому разбору книгу «Историческая наука и некоторые проблемы современности», наметило проведение обсуждения и публикацию научных статей по вопросам, которым в указанной книге дано ошибочное толкование.

Черемушкинский РК КПСС готовит для обсуждения на бюро райкома вопрос о выполнении Институтом всеобщей истории АН СССР постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве».

Что же касается положения в издательстве «Наука», о котором пишут авторы письма, то Отдел пропаганды и Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС рекомендовал президиуму АН СССР принять меры по укреплению издательства квалифицированными кадрами.

Зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС

С. Трапезников

4 декабря 1970 г.

**Письмо А.М. Румянцева в ЦК
с характеристикой политики Отдела науки ЦК КПСС**

Коллекция. Ф. 89, пер. № 17, док. № 2

[Там же, л. 160]

Сов. секретно.

№ Ст – 103/8с.

от 28/VII–1970 г.

Выписка из протокола Секретариата ЦК № 103 8с

О записках тт. Румянцева А.М. и Трапезникова С.П.

Поручить тт. Пельше, Демичеву, Пономареву рассмотреть записки тт. Румянцева А.М. и Трапезникова С.П. и внести предложения. Срок 2 месяца.

Секретарь ЦК/подпись/

Послано: тт. Пельше, Демичеву, Пономареву.

Пятому сектору – 2 экз. т. Гришину К.Н.,

т. Пономареву Б.Н. – 15/IX 1970

«В архив – 10/VI-71» – указание тт. Демичева, Пельше и Пономарева (См. записку т. Трапезникова от 24/VII-70).

[Там же, лл. 171–181]

ЦК КПСС

21639

В ЦК КПСС

Считаю необходимым поставить в известность Центральный Комитет партии о некоторых фактах, вызывающих серьезное беспокойство в отношении методов руководства нашими общественными науками.

Объективность требует признания определенных успехов гуманитарных областей знания. Можно назвать ряд оригинальных исследований – монографических и коллективных. Возрос удельный

вес практических рекомендаций, имеющих немаловажное значение для экономической, социальной и международной политики, в т. ч. для борьбы против растущей опасности маоистского экстремизма. Позволю себе также сослаться на впечатления от международных научных конференций и встреч последнего времени: активный интерес к выступлениям и идеям советских ученых – показатель расширения сферы нашего влияния (и еще больше – возможностей его), влияния не только на марксистскую и социалистическую мысль за рубежом, но и на демократическое, антиимпериалистическое и антимилитаристское крыло буржуазной общественности.

Разумеется, это не значит, что в работе наших ученых-обществоведов нет серьезных пробелов. Самый существенный из них – неизжитое еще отставание от проблем, поставленных жизнью, глубокими изменениями в мире, развитием революционного движения и социальных преобразований. Многие проблемы встали по-новому и ждут творческого изучения. Им противопоказаны комментаторство, схоластика, пережевывание одного и того же. А эти недостатки весьма ощутимы. Ограничивая возможности разработки научных оснований для политической практики, они существенно снижают и эффективность нашей борьбы с идеологическими противниками.

Очевидно, что изживать эти недостатки нужно такими методами, которые способствовали бы росту инициативы и активности марксистов-гуманитариев. Об этом четко сказано в известных постановлениях, решениях по идеологическим вопросам. Необходимость такого подхода никто не отрицает. На деле же получается не совсем так. В целом ряде случаев мы сталкиваемся с тем, что место конструктивной критики результатов научных исследований занимают грубые, неквалифицированные «разносы», уничтожающие достоинство ученых и препятствующие творческой работе. Встречаются и случаи прямого произвола, особенно в организации научных дискуссий и определении судьбы ряда научных направлений.

Вот некоторые из фактов. 1. В 1968 году издательство «Наука» выпустило книгу сотрудника Института экономики АН СССР Б. В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятиями». И сама тема, и характер разработки ее тесно связаны с потребностями экономической реформы. Ставятся вопросы, носящие поисковый характер и еще требующие дискуссии. Книгу положительно оценила научная печать – у нас и в Болгарии. Тем удивительнее тон статьи «Ошибочные позиции» (авторы т.т. М. Ковалева и К. Корытов), с которой выступила 5/III 1970 г. газета «Социалистическая индустрия». Рецензенты сосредоточили внимание не на действительных слабостях в аргументации тов. Ракитского по отдельным вопросам. Произвольно толкуя текст, авторы приписывают исследователю политические ошибки и несуществующий «замысел» – заменить социалистические методы хозяйствования рыночным регулированием.

Статья в газете «Социалистическая индустрия» была обсуждена Ученым советом Института экономики 7–9/IV с.г. Выступило более 20 человек. Общее мнение: статья искажает содержание книги,

а своим тоном и подходом мешает развитию нашей экономической мысли (прилагаю заключение ведущих специалистов).

2. Настораживает, что это не первая попытка такого рода. Аналогичный характер носила критика взглядов покойного академика Е.С. Варги по теоретическим проблемам современного государственного монополистического капитализма со стороны той же М. Ковалевой в книге «К вопросам методологии политической экономики капитализма», одобренной в рукописи экономической кафедрой АОН (выпущена издательством «Мысль», редакцией АОН и ВПШ в 1969 году). Несостоятельность и характер этой псевдокритики были вскрыты академиком Н.Н. Иноземцевым в докладе на совместном заседании ученых советов институтов отделения экономики АН в ноябре 1969 года (см. журнал «Мировая экономика и международные отношения» № 1, 1970).

Дело доходит до того, что крупных ученых, разрабатывающих сложные проблемы экономики мирового капитализма, пытаются скомпрометировать, прибегая к элементарным нечистоплотным приемам. «Экономическая газета» 16/III 1970 г. опубликовала заметку, обвиняющую члена-корреспондента АН СССР А.Г. Милейковского в том, что он якобы смешивает капиталистическую государственную собственность с общественной. Обвинение малограмотное, поскольку автор заметки, видимо, сам отождествляет общественную собственность с общенародной социалистической, и к тому же совершенно бездоказательное обвинение. Для фабрикации его использованы ротапринтные тезисы доклада т. Милейковского на межвузовской конференции. Заметка появилась через полгода после конференции. Автор произвольно соединил два тезиса и не посчитался с текстом доклада.

Но хуже всего, что газета не захотела исправить несправедливость, несмотря на письмо т. Милейковского, протест кафедры финансово-экономического института и редакции журнала «Вопросы экономики». А зав. сектором Отдела науки П.А. Сипетров заявил т. Милейковскому, что у нас не принято давать опровержения в печати. Ученый не получил даже ответа на свои письма ни от Отдела науки, ни от редакции «Экономической газеты». Между тем и там и тут хорошо известны как научная репутация т. Милейковского, так и большой вклад, вносимый им в выработку практических рекомендаций для директивных органов.

3. Вот другой характерный факт, сообщенный мне директором Института экономики мировой социалистической системы О.Т. Богомоловым и секретарем парторганизации института В.А. Кайе. Речь идет о действиях т. Сипетрова по отношению к докладу «Ленин и развитие теории строительства социализма», подготовленному доктором философских наук А.Т. Бутенко для международной научной конференции «Ленин и мировая социалистическая система» (январь 1970 года). Докладчик прослеживал развитие взглядов Ленина на пути и средства строительства социализма, подчеркнув поворотное значение X съезда РКП и новой

экономической политики. Тема важная, имеющая значение для современной экономической теории.

В тексте доклада, по мнению дирекции и партбюро института, есть спорные и неудачные формулировки. Но в нем нет политических ошибок и тем более ревизионизма, который требовал вменить автору в вину т. Скипетров. Последний грубо, в недопустимом тоне оказывал давление на руководство института.

Как ни существенна моральная сторона вопроса, еще существеннее деловая. Институт мировой социалистической системы поставлен в трудное положение. Интересы теории и прямые практические нужды, настоятельно подчиняемые Отделом соцстран ЦК, требуют разработки поисковых тем и проблем. Административная же опека со стороны аппарата Отдела науки явно мешает этому. Особенно болезненно сказывается применение осуждаемых партией методов администрирования в науке на положении некоторых областей исторического исследования.

Принимая в 1968–1969 годы решение о разделе Института истории на два института – истории СССР и всеобщей истории – и определяя программу их деятельности, ЦК КПСС подчеркнул первостепенное значение разработки марксистско-ленинской методологии истории. Особо важной эта задача становилась для Института всеобщей истории ввиду его комплексного характера. В связи с этим в состав института полностью перешел бывший сектор методологии истории Института истории, уже проделавший немалую работу в данной области. Тем более странно, что при окончательном редактировании проекта структуры нового института в Отделе науки ЦК этот сектор был упразднен – не только без согласования с секцией общественных наук Президиума АН СССР, но даже без сообщения нам мотивов этого решения.

Результатом явилось постепенное свертывание работы, задержка с изданием уже готовых трудов. Усугубила положение статья трех преподавателей МГУ (т.т. А. Корнилова, П. Прокопенко, Л. Широкова), опубликованная газетой «Советская Россия» 28 февраля с.г. В статье, направленной против сборника «Историческая наука и некоторые проблемы современности» («Наука», 1969), делалась попытка политически дискредитировать бывшего руководителя сектора методологии и некоторых других исследователей. Безапелляционный тон этой статьи и характер обвинений, предъявленных группе историков (меньшевизм, совпадение со взглядами буржуазных фальсификаторов, попытки «опровергнуть основополагающие выводы марксизма-ленинизма» и т. п.), были, очевидно, рассчитаны на то, чтобы поставить этих историков вне партии и вне науки.

Проведенное секцией общественных наук АН сличение газетной статьи с текстом книги обнаружило абсолютную недостоверность критики с фактической стороны. Соответствующая справка была направлена в апреле с.г. в ЦК КПСС. Следует добавить, что авторы статьи исказили не только точки зрения критикуемых ими ученых, но и взгляды Ленина по таким вопросам, как гегемония

пролетариата, взаимоотношения его с другими классами, оценка национально-колониальной политики царизма и другим.

Ясность в оценке книги могла быть внесена объективным обсуждением ее с участием широкого круга специалистов. Необходимость такого обсуждения диктовалась проблемным характером сборника, отражающим существование спорных вопросов и разногласий среди историков по конкретным сюжетам. Естественно было бы организацию такой дискуссии возложить на саму Академию наук, тем более что на страницах книги выступают сотрудники восьми академических институтов, а также ИМЛ и ряда вузов. Но вместо непредвзятого творческого обсуждения по отношению к данной работе применили особую процедуру. Ее рассматривали при закрытых дверях, без уведомления и приглашения редакторов и авторов. На деятельность комиссии, созданной Отделением истории после выхода газетной статьи, оказывался определенный нажим со стороны работников Отдела науки ЦК. Искусственно создается невозможная обстановка. В ней стали возможными такие произвольные акты, как ликвидация в Институте всеобщей истории группы по подготовке к Всемирному конгрессу историков, в которую входило большинство бывших сотрудников сектора методологии. Некоторые сотрудники были уволены. Делается это буквально накануне конгресса и явно в ущерб делу. И в целом нельзя не испытывать беспокойства по поводу того, что в такой момент, когда необходимы максимальные усилия для консолидации творческих марксистских сил историков, их будоражат выискиванием «крамолы» и ее мнимых виновников.

Нельзя не признать определенную вину в этом отношении самой Академии наук. Тем не менее ее возможности резко ослаблены действиями, которые, будучи не согласованы с руководством секции общественных наук и Президиумом АН, чаще всего становятся известными тогда, когда они уже свершились.

5. И еще один пример. В связи с выходом книги «Ленинизм и диалектика общественного развития» («Наука», 1970), подготовленной Институтом философии АН, было проведено обсуждение ее на бюро Отделения философии. Само обсуждение – дело нормальное, в данном случае тем более нужное, что сама книга содержит спорные положения, а некоторые разделы ее не удались авторам. Возражения, однако, вызывает и в этом случае своеобразная процедура обсуждения, которую пытаются сделать «нормальной» вопреки научным традициям и партийной этике.

Председательствовавший на заседании академик-секретарь тов. Константинов объявил, что в первую очередь слово будет предоставлено тем, кто к книге относится критически. Таким образом, организаторам заранее было известно не только кто будет выступать, но и что они будут говорить. Большинству не вошедших в эту категорию слова не дали. Не было предоставлено оно и некоторым авторам.

Сомнительно, чтобы материалы проводимых таким образом дискуссий, как и стенограммы закрытых обсуждений, могли быть

основой для надежных объективных выводов. Между тем случаи такого рода стали в последнее время не единичными (прилагаю письмо научного сотрудника т. Баткина в связи с обсуждением работы по истории средневековья).

Отмеченные выше и сходные с ними факты нуждаются, на мой взгляд, в принципиальной оценке. Их связывает одна общая черта – стремление привнести в общественную атмосферу недоверие к нашим научным кадрам, к их идейным качествам и устойчивости по отношению к буржуазной немарксистской идеологии. Такой взгляд не только не обоснован, неправомерен, пессимистичен, но и опасен. Его оборотная сторона – преувеличение силы и возможностей наших идейных противников. Под сомнение ставится, в сущности, непреложность победы марксистского, ленинского мировоззрения в научном сознании, в мышлении и деятельности советских ученых. И хотят или не хотят люди, зараженные этим негативизмом, их позиция и действия наносят прямой практический и политический ущерб. Страх – плохой советчик. Научные работники, которые боятся того, что их неправильно поймут, и поэтому стараются подогнать свои взгляды и предложения под привычные формулировки, не смогут оказать своевременную помощь в решении новых и сложных проблем общественного развития. Развитие социальных наук, как подчеркивали Маркс и Ленин, должно носить опережающий характер по отношению к текущим событиям, иначе наука не нужна.

А это опережение, в свою очередь, возможно лишь при условии свободного обмена мнениями в научной среде. Разнообразие точек зрения среди ученых, стоящих на почве единого мировоззрения, – естественно и даже необходимо. Вредна лишь претензия какой-либо группы ученых на обладание истиной. Когда же монополистами пытаются стать люди, которым партия доверила руководство научной жизнью, и когда эти люди применяют для этого командные приемы, возникает угроза разрыва между наукой и практикой, блокирование выходов из науки в практику.

Нельзя не посчитаться также с психологическими и организационными издержками такого положения вещей. С одной стороны, внимание и силы ученых от решения конструктивных задач отвлекаются на самозащиту, подчас становящуюся нервной, преувеличенной. С другой стороны, искусственно создаются конфликтные ситуации, преодоление которых оказывается порой сложным и хлопотливым делом, без нужды забирает массу сил и внимания у руководящих органов. Конечно, за извращение истины и опорочивание ученых в печати несут ответственность прежде всего редакторы газет и руководители издательств. Возникает, однако, впечатление, что отдельные факты не изолированы, что их порождает неверный, некомпетентный подход, имеющий место в повседневном руководстве научными учреждениями, особенно гуманитарными.

Думается, что назрела необходимость в специальном рассмотрении этих фактов с тем, чтобы выявить причины и источник неправильных административных действий в сфере руководства

научными учреждениями, а также дезинформации общественного мнения о положении дел в социальных науках. Убежден, что только вмешательство Центрального Комитета может оздоровить обстановку в этой области.

Член ЦК КПСС А.М. Румянцев

[Приложены «Заключение на книгу Б.В. Ракитского "Формы хозяйственного руководства..." (л. 182–190) и письмо Л.М. Баткина на имя Демичева П.Н., копия – вице-президенту Румянцеву А.М. по поводу обсуждения книги Гуревича А.Я. «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (л. 191–193).]

[Там же, л.л. 161–169. Ст – 2403]

Секретно.
ЦК КПСС 24423

ЦК КПСС

По поводу записки члена ЦК КПСС т. Румянцева А. М. от 1 июля 1970

В своей записке член ЦК КПСС т. Румянцев А.М., признавая определенные успехи в развитии общественных наук, информирует «о некоторых фактах, вызывающих серьезное беспокойство в отношении методов руководства нашими общественными науками». При этом автор письма заключает: «Отдельные факты не изолированы, их порождает неверный, некомпетентный подход, имеющий место в повседневном руководстве научными учреждениями, особенно гуманитарными. Думается, что назрела необходимость в специальном рассмотрении этих фактов с тем, чтобы выявить причины и источник неправильных административных действий в сфере руководства научными учреждениями, а также дезинформации общественного мнения о положении дел в социальных науках. Убежден, что только вмешательство Центрального Комитета может оздоровить обстановку в этой области».

Рассмотрим этот вопрос по существу. После XXIII съезда КПСС заметно поднялась роль общественных наук, усилилось внимание к ним со стороны партийных организаций. <...> За этот период обществоведы провели значительную работу по устранению серьезных недостатков, повысился уровень научных исследований и издаваемой литературы, усилилась их классовая направленность и политическая идейность. В связи с этим заметно консолидировались силы обществоведов, которые стали более активно выступать против буржуазной идеологии и всякого рода косвенных проявлений. Огромной помощью в развитии общественных наук явились решения ЦК КПСС о создании 8 новых гуманитарных институтов в составе Академии наук СССР. Для каждого из них определены основные направления научно-исследовательской работы. Большинство из них развернули действенную и активную работу.

Объективно говоря, наши обществоведы проявили большую активность и политическую зрелость в ходе подготовки и проведения 50-летнего юбилея Советской власти и столетия со дня рождения В.И. Ленина. Как в столице, так и на периферии было проведено большое количество теоретических конференций по актуальным проблемам ленинизма с привлечением широкого круга ученых и общественных сил страны. Хорошо показали себя наши обществоведы на международных теоретических конференциях и симпозиумах. Это было серьезной политической проверкой зрелости наших теоретических кадров. Разумеется, что все это потребовало огромной организаторской работы со стороны ЦК КПСС, местных партийных органов и учреждений.

<...> В свете этих фактов появление записки т. Румянцева А. М., прямо говоря, является неожиданным и вызывает недоумение. Вчитываясь в ее содержание, невольно возникает мысль: какая же цель поставлена автором, чего добивается он? Попытаемся хотя бы кратко проанализировать сложившееся положение дел в действительности с принципиальных политических позиций.

Первый вопрос касается так называемого административного вмешательства и некомпетентного, неквалифицированного руководства научными учреждениями. Все ли взвесил автор записки, делая такой далеко идущий политический вывод? С полной ответственностью мы можем доложить Центральному Комитету партии, что Отдел науки и учебных заведений строит свою работу в тесном контакте и постоянном взаимодействии с президиумом Академии наук СССР, академиками-секретарями отделений Академии, директорами и секретарями партийных организаций институтов. При этом регулярно проводятся встречи с ведущими учеными, представляющими различные отрасли науки. Не будет преувеличением, если сказать, что в этом отношении достигнуты заметные положительные результаты.

Ныне стало правилом, что по самым разнообразным вопросам ученые всех категорий, коммунисты и беспартийные, считают своим долгом обращаться с предложениями и советами в Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС. Особенно это наблюдается при подготовке и проведении семинаров, конференций, симпозиумов как внутри страны, так и за рубежом. Такая практика обогащает не только нас, работников ЦК, но и самих ученых. Эту сторону работы Отдела неоднократно отмечал и сам т. Румянцев.

Всего несколько месяцев назад в ЦК КПСС на одном из совещаний ученых, директоров и секретарей парторганизаций институтов АН СССР Румянцев заявил, что благодарит Отдел науки и учебных заведений за ту огромную квалифицированную помощь, которую оказывает он повседневно в нашей работе. И как бы от имени ученых-обществоведов обратился в ЦК КПСС с просьбой передать издательство «Наука» и академические журналы в ведение Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, что, по его мнению, обеспечит более высокую компетентность руководства ими. Причем такие

лестные поклоны т. Румянцев не раз отпускал в адрес Отдела. Как же понять его теперь, когда он ставит под сомнение компетентность руководства научно-исследовательскими учреждениями?

Что и говорить, незавидный прием применяет автор записки, когда без всяких оснований, без сколько-нибудь серьезных фактов и аргументов порочит работников Отдела, берет под сомнение их компетентность и квалификацию, упрекает в администрировании. В настоящее время в Отделе науки и учебных заведений из 76 человек работают 13 докторов и профессоров, 32 кандидата наук и доцента. Ведь это не только аппарат, но и, по существу, большой коллектив ученых. Причем абсолютное большинство работников Отдела имеют достаточный опыт партийной, научной и педагогической деятельности и со знанием дела, принципиально, вполне культурно, выдержанно проводят линию партии в жизнь. <...>

3. <Вышло в свет значительное количество фундаментальной литературы по общественным наукам>

Однако, к большому огорчению, среди изданных работ имеются отдельные слабые и даже незрелые работы, в которых допущены крупные идейно-теоретические ошибки. В связи с этим Отдел науки и учебных заведений рекомендовал отделениям АН СССР и институтам силами ученых разобраться и помочь ошибающимся товарищам в исправлении их ошибок. Именно таким образом было организовано обсуждение ряда работ. <...>

Аналогичное обсуждение проходило под председательством академика Жукова Е. М. на бюро отделения исторических наук книги «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Книга имеет ряд полезных научных статей. Но в ней оказались и такие статьи, которые являются в корне ошибочными. Неудивительно поэтому, что подобного рода статьи вызвали не только негодование, но и озабоченность ученых. В этой книге дан призыв к «новому прочтению» Маркса, Энгельса, Ленина. Что же это за «новое прочтение», за которое ратуют некоторые авторы? Оказывается, под этим «новым прочтением» имеется в виду пересмотреть ленинское учение о партии, о социалистической революции, о государстве, об общественно-экономических формациях. Вот почему крупные ученые – академики Минц И. И., Поспелов П. И., Жуков Е. М., Рыбаков Б. А., Гафуров Б. Г., Ким М. П. и другие ученые – в своих выступлениях дали принципиальную, глубоко научную, аргументированную критику серьезным ошибкам и извращениям, имеющимся в названной книге.

И, право говоря, мы никак не думали и совершенно не предполагали, чтобы т. Румянцев взял под защиту эти явно ошибочные труды, подверг сомнению вполне демократический характер обсуждения. Более того, он устранился от участия в действительно научном и объективном обсуждении этих работ. А ведь все эти обсуждения проходили в самой Академии под руководством академиков-секретарей отделения АН СССР и директоров институтов. Поэтому по меньшей мере странным является миф о якобы «административных действиях в сфере руководства научными учреждениями». Автор

записки требует открытых «свободных» дискуссий. Позволительно спросить его: о какой «свободе» идет речь? Все дело, видимо, в том, что т. Румянцев, будучи вице-президентом АН СССР, отвечающим за общественные науки, ослабил связь с отделениями, институтами Академии наук и оказался плохо информированным о подлинном состоянии дел вверенного ему участка работы.

<...>

Далее, т. Румянцев обвиняет печать за то, что она помещает «разносные» критические статьи по поводу тех или иных научных работ, и опять же это связывает с деятельностью Отдела, не приводя никаких фактов, подтверждающих эту связь. Известно, что публикация тех или иных материалов в газетах и журналах не входит в компетенцию Отдела науки и учебных заведений и что он не мог давать и не давал никаких указаний по поводу такого рода публикаций. А если говорить по существу, то без активного вмешательства печати нам не удастся исправить допущенные ошибки.

Кратко о нынешнем состоянии общественных наук. Выше уже говорилось о положительных сторонах их развития. Однако и здесь есть такие вопросы, которые требуют своего дальнейшего решения. Объективно говоря, нам пока не удалось в полной мере использовать огромную армию обществоведов. Этому в известной степени мешает то, что в отдельных обществоведческих институтах проявляется групповщина, имели место нездоровые настроения у отдельных научных работников. В свое время нами уже сообщалось в ЦК КПСС о том, что райкомы партии г. Москвы вынуждены были пойти на укрепление руководства партийных организаций институтов истории, философии, конкретных социальных исследований АН СССР в связи с серьезными ошибками в их работе.

Хотелось бы также обратить внимание на отсутствие в ряде случаев должной ответственности за качество выпускаемых научных работ. Конечно, одной из причин такого положения является то, что многие обществоведческие институты имеют крайне слабую материальную базу. Поэтому нередко сотрудники вынуждены работать в качестве надомников. <...>

<...> И тем не менее мы считаем, что нет оснований драматизировать положение дел в области общественных наук. Научные и учебные институты имеют достаточно сил и возможностей, чтобы обеспечить успешное решение задач, поставленных ЦК КПСС.

4. Наконец, Отдел науки и учебных заведений считает необходимым проинформировать ЦК КПСС о серьезных упущениях со стороны т. Румянцева в деле подбора и расстановки научных кадров. Нам порой совершенно непонятны его действия в отношении научных кадров. Бросается в глаза неразборчивый и необъективный подход к их использованию. Прежде всего в этой связи надо сказать об Институте конкретных социальных исследований АН СССР, который создан по решению ЦК КПСС. Хорошо помнится, какое пристальное внимание обратил Секретариат ЦК КПСС на важность и ответственность задач этого института. Рассматривая возможных кандидатов

на пост директора института, Отдел науки и учебных заведений высказался за то, чтобы во главе этого ответственного института на время его формирования был поставлен член ЦК КПСС, вице-президент АН СССР т. Румянцев А. М.

Институт существует уже третий год, и, прямо говоря, положение его крайне тяжелое. Тов. Румянцев не посчитался с советами Отдела, стал комплектовать кадры института из лиц, которые далеко стоят от этой науки или же ранее скомпрометировали себя. Так, например, не было необходимости принимать на работу в институт т. Левита, которого Калужский обком КПСС исключил из партии за явно недостойное поведение. Это решение было подтверждено КПК при ЦК КПСС. Тов. Румянцев и в этом случае не прислушался к партийным рекомендациям и принял его в институт. И только после решительного протеста Калужского обкома партии т. Левит был освобожден от работы в институте. Но, как нам стало известно, через некоторое время он был рекомендован на работу в Институт информации по общественным наукам АН СССР.

Далее, некий т. Амбарцумов, уволенный за аморальное поведение из Института международного рабочего движения, где он работал заместителем директора, был взят на должность зав. сектором Института конкретных социальных исследований. Непонятно также, по каким причинам был привлечен к работе в институте т. Лисичкин, который, как известно, подвергался критике на пленуме ЦК КПСС за выступление в печати, порочащее политику партии в области сельского хозяйства. Перечень таких фактов можно было бы продолжить. На все эти факты неоднократно указывали т. Румянцеву и советовали ему привлечь к работе в этот важный институт серьезных ученых, исследователей, знающих этот предмет. Но он не прислушался к этим советам и, даже когда соглашался с рекомендациями и советами, на деле поступал иначе.

Являясь вице-президентом АН СССР, т. Румянцев зачастую нарушает элементарные принципы коллективного, товарищеского обсуждения вопросов. Как правило, при подготовке общих собраний АН СССР все докладчики представляют в письменном виде свои доклады для ознакомления в Президиум Академии. Так делает и президент АН СССР, который, как правило, знакомит и Отдел науки ЦК КПСС с основными положениями своих докладов. Т. Румянцев же уходит от этого сложившегося порядка. Неудивительно поэтому, что на общем собрании АН СССР в ноябре прошлого года, где обсуждался вопрос о научно-техническом прогрессе, т. Румянцев выступил с путаным докладом и внес сумятицу в обсуждение данного вопроса. В результате его вынуждены были поправлять даже беспартийные академики. В Отделе науки и учебных заведений обратили его внимание на необходимость согласования ответственных докладов и выступлений с президентом АН СССР, и он согласился с этим.

Итак, из приведенных выше фактов видно, что у автора записки нет никаких оснований к тому, чтобы предъявлять Отделу науки

и учебных заведений столь серьезные обвинения. Конечно, в работе Отдела науки и учебных заведений имеются недостатки. Он ответственен и за плохую, и за хорошую работу. Но принципиальная критика недостатков не имеет ничего общего с той критикой, которая содержится в записке т. Румянцева. Если ЦК КПСС найдет необходимым обсудить вопросы, затронутые в записке т. Румянцева и записке Отдела науки и учебных заведений, то желательно было бы провести такое обсуждение с участием академиков-секретарей отделений Академии наук СССР, президента и вице-президентов Академии наук СССР.

Заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС
С. Трапезников
24 июля 1970 года

320 А

На с. 161 резолюция: «В архив».

Подписи Пельше, Демичева, Пономарева.

Записка Ю. В. Андропова в ЦК в связи с подготовкой XIII конгресса историков

[Ф. 5, оп. 62, ед. хр. 69. л. 141]

Информация КГБ при СМ СССР в связи с подготовкой XIII международного конгресса историков.

Комитетом государственной безопасности получены данные о том, что под прикрытием делегатов из капиталистических стран в Москву намерены приехать свыше 700 известных нам разведчиков и агентов спецслужб противника и так называемых «специалистов по России».

Наряду с этим получены данные о том, что сотрудники Института всеобщей истории Академии наук СССР Некрич, Гефтер и некоторые другие, не включенные в состав советской делегации историков на предстоящем конгрессе, высказывают свою неудовлетворенность этим и оценивают деятельность дирекции института как «зажим демократически мыслящих историков».

Комитетом госбезопасности принимаются необходимые меры к предотвращению возможных враждебных, в том числе идеологически вредных акций со стороны участников конгресса из капиталистических стран.

15/VIII 1970.

Председатель комитета госбезопасности
Андропов